

Смирнова О. А.,
кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики,
социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Оренбургского государственного института искусств
им. Л. и М. Ростроповичей

В статье представлен анализ опыта осмысления феномена хозяйственной деятельности представителями философско-религиозного направления российской общественной мысли. Дается развернутая характеристика идейных систем В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, мировоззренчески основанных на концепциях всеединства и религиозного космизма.

**Проблема понимания космической природы хозяйственной деятельности в
системе русской философско-религиозной мысли
рубежа XIX – XX столетий**

На рубеже XIX–XX в. в России чрезвычайно возрос интерес к проблемам экономического характера. На этот факт обращали внимание многие современники. Так, например, Д. Н. Бородин – бессменный секретарь Собрания экономистов – научного общества, действовавшего в Санкт-Петербурге в 90-х–900-х гг., писал, что с 80-х гг. XIX в. «в ученых кружках и среди учащейся молодежи исторические явления старались объяснить борьбой экономических интересов», а обновления общества ожидали «не столько от общественного устройства, сколько на почве экономических реформ» [13, с. 1].

В этом контексте в числе общественно значимых выделяется вопрос о феноменологии хозяйства и хозяйственной деятельности. Его анализ разворачивался на базе различных методологических систем – от смитианства, манчестерства и марксизма до строгого традиционализма. В ряду обозначившихся точек зрения особое место заняли взгляды, опиравшиеся на религиозно-философскую традицию российской общественной мысли, связанную с духовным пониманием этой, казалось бы, сугубо материальной сферы общественных отношений.

К 1890-м гг. в трудах его представителей были намечены контуры основных подходов в осмыслении хозяйственной проблематики. Они разворачивались в русле концепции всеединства и русского религиозного космизма. Идейным вдохновителем первой мировоззренческой позиции был В. С. Соловьев, а второй – Н. Ф. Федоров.

Ключевые положения экономических воззрений Соловьева были изложены в статье «Экономический вопрос с нравственной точки зрения» (Вестник Европы. 1896. № 12). Эта работа стала своеобразным откликом на дискуссии 1890-х гг. и была направлена против марксистов или, по словам автора, мнимо научной или правоверной школы экономистов, а именно той, которая принципиально отделяла область хозяйственную от нравственности [17, с. 537].

Представленное Соловьевым понимание сферы экономических отношений в полной мере соответствовало его общефилософской системе, базирующейся на идее всеединства, под которым он подразумевал целостность жизни как единое существование «не на счет всех или в ущерб им, а в пользу всех». При этом философ различал, с одной стороны, ложное или отрицательное единство, которое подавляет и поглощает входящие в него элементы, а с другой, истинное единство, сохраняющее и усиливающее свои элементы. В итоге первое представало *пустотой*, а второе – прямым осуществлением *полноты* бытия [17, с. 552].

В рамках такого понимания всеединства особое место В. С. Соловьев отводил человеку, онтологически причастному и стихии природного, материального бытия и сфере

бытия идеального, того, которое непосредственно связано с Богом. Вся жизнь человека ему виделась процессом восхождения от природного к идеальному началу, основу реализации которого он видел в нравственности, проявляющейся, по его словам, в реакции «духовной природы против грозящего ей подавления и поглощения со стороны низших сил – плотской похоти, эгоизма и диких страстей» [16, с. 134].

Философ утверждал, что «мотивом или достаточным основанием человеческих поступков кроме частных и конкретных представлений, действующих на способность хотения посредством чувств приятного и неприятного, может еще быть всеобщая разумная идея добра, действующая на сознательную волю в форме безусловного долга или категорического императива». А если, подчеркивал он, говорить проще, «человек может делать добро помимо и вопреки всяких корыстных соображений, ради самой идеи добра, из одного уважения к долгу или нравственному закону» [15, с. 114]. Такое состояние Соловьев называл «кульминационной точкой нравственности», до которой люди могут возвышаться в любых сферах общественных отношений, в частности, и экономической.

Мыслитель был убежден, что общество не войдет в нормальное русло своего развития, пока на деле не будет признано, что хозяйственная деятельность не определяется одними «материальными полезностями или рыночными ценностями», как и смысл человеческого существования не ограничивается материальной сферой. Он доказывал, что экономические отношения не составляют обособленной сферы жизнедеятельности, подчиненной неким «естественным законам, действующим независимо от качества воли» конкретных людей, а образуют лишь одну из областей применения общей нравственной нормы, определяющей *должное* положение человека «относительно Бога, людей и материальной природы». Мыслитель показывал, что фундамент хозяйствования образует «непосредственно человеческая» сущность, проявляющаяся в переживании чувства стыда «своей животности» и сознательном выборе тех или иных действий во имя избранного идеала и исповедуемого долга [17, с. 357].

Он писал: «Конечно, в основе всей экономической области лежит нечто простое и фатальное, само по себе из нравственного начала не вытекающее, – необходимость труда для поддержания материального существования», но это только толчок, понуждающий человека к деятельности [17, с. 358]. Однако, подчеркивал он, нет и не было такого низменного состояния в жизни людей, когда бы эта простая необходимость не осложнялась бы вопросом нравственным: «Нужда заставляет дикаря-полузверя промышлять себе средства к жизни; но при этом он может или думать только о себе одном, или же в свою нужду включать также нужду своей самки и детенышей. Если лов был удачным, он может поделиться с ними и скудную добычей, оставаясь сам впроголодь; или же может забрать все себе, а их бросить на произвол судьбы; или, наконец, может убить их с тем, чтобы наесться их мяса» [17, с. 358].

Таким образом, резюмировал мыслитель, не вызывает сомнений, что представления о нравственной норме (*о должном*) определяют характер поведения людей в хозяйственной сфере, а поэтому изучение вопросов экономического развития не может быть свободно от этических оценок. В связи с этим главная задача социально-экономических исследований ему виделась не только в изучении того, как протекала и протекает народно-хозяйственная жизнь, а и в выяснении, *для чего* человек действует в экономике, *к чему* он в ней стремится, *что* осуществляет, а также и то, *какой* хозяйственная деятельность *должна* быть и «какими мерами это *долженствующее* может быть достигнуто» [17, с. 357].

По мнению Соловьева, это *должное* состояние характеризуется подчиненностью экономики нравственным началам. Только на их основе она сможет стать «организованным осуществлением добра», а не борьбой за удовлетворение частно-индивидуалистических интересов отдельных личностей по принципу «laissez faire, laissez passer», каковому, подчеркивал он, никогда не удастся составить фундамент экономической гармонии [17, с. 542]. И далее, в обоснование этого тезиса, философ отмечал: «Кто отказывается признать эту истину в принципе, тот почувствует ее фактическую силу в финансовых «крахах» и

хозяйственных кризисах. Ведь и виновники, и жертвы этих аномалий, – именно такие люди, которые трудятся для себя, – отчего же естественная гармония не согласовала их интересов и не упрочила их благосостояния?» «Значит, – делал он вывод, – для того, чтобы всякий трудящийся для себя трудился вместе с тем и для всех, недостаточно естественной связи экономических отношений, а нужно сознательное направление их к общему благу» [17, с. 548].

В. С. Соловьев доказывал, что, исходя из частного материального интереса, как цели труда, человечество приходит не к общему благу, а только к общему раздору и разрушению, тогда как идея общего блага «в истинном, нравственном смысле, т.е. блага всех и каждого... заключает в себе и удовлетворение всякого частного интереса в его должных пределах» [17, с. 547]. При этом он был убежден, что нравственное упорядочение экономических отношений тождественно экономическому прогрессу, т.к. ни человек, ни материальная природа, задействованные в процесс производства, не будут рассматриваться сущностями страдательными – только как средства получения прибыли (земля) или объекты эксплуатации (человек), поскольку результатом их вовлечения в производственный цикл станет не истощение и разрушение, а их улучшение и возведение в большую силу и полноту бытия [17, с. 556]. В хозяйственном акте такого рода человек, говоря словами одного из стихотворений мыслителя, «цепь золотую смыкает и небо с землей сочетает» [15, с. 26].

Второй мировоззренческой основой философско-религиозного постижения феномена хозяйственной деятельности стали идеи философа-космиста Н. Ф. Федорова. Он утверждал, что человек как разумно-деятельная сила ничего не получает даровым способом, все, чем он владеет, им обретается в труде. Однако трудовая деятельность имеет более широкий смысл, чем удовлетворение материальных потребностей. В ходе нее человек выступает соучастником Творца. Его главное призвание состоит в том, чтобы внести целесообразность в природу, являющуюся несовершенной адской силой [18, с. 162].

В то же время, подчеркивал Федоров, надо иметь в виду, что для реализации этого великого призвания, человеку необходимо отказаться от строгого утилитаризма в хозяйственной деятельности, которая, как правило, пронизана барышничеством, раздором и насилием, ограничивающими целевые установки лично-частными интересами, и обратиться к основам высокой нравственности, делающей человека человеком. Иными словами, по его мнению, хозяйство станет истинным только тогда, когда человек прекратит скользить по поверхности бытия, создавая одни фикции в виде разного рода технических усовершенствований в целях удовлетворения своих, порой далеко не разумных, потребностей [19, с. 199].

Мыслитель считал, что человек должен не использовать и не покорять природу, а чувствовать онтологическую связь со «стихией Великого Пана», выступая в ней не подчиненным, не подчиняющим, а организующим началом на пути преобразования хаоса бытия в космос. Раскрывая эту мысль, он писал: «Не соперничать, не равняться с лилиями долин, с блеском солнца, как это мы делаем в наших позолотах, с голубизной неба в наших обоях, стальных украшениях, в наших одеждах, но вносить сознание и волю в слепую силу» природы [14, с. 260].

При этом Федоров был убежден, что хозяйственная деятельность не должна ограничиваться пределами земной планеты, ей следует идти дальше, вовлекая в свою орбиту все космическое пространство, и на этой основе создавать *хозяйство космическое*. Эту практику он рассматривал как всеобщее дело. Один из его ключевых тезисов гласил: «Жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех», претворяя ту «полноту», которая входит в понятие Царствия Божия [18, с. 314]. Лишь в этом процессе может быть реализована должная жизненная стратегия человека, состоящая в том, чтобы быть хозяином всего сущего в целях воплощения главного замысла Творца – одухотворение мира как средства его спасения. Неслучайно высшей формой хозяйственной активности он считал «труд воскрешения», в котором видел максимум созидательного

делания человека, в ходе которого «микрокосм-человек исторгнет из макрокосмоса-вселенной смерть и снимет проклятие с земли» [11, с. 310].

Годы спустя С. Н. Булгаков, анализируя эти идеи, писал, что в «Философии общего дела» Федоров, «в сущности, дал грандиозную систему философии хозяйства, которая является поистине его *апофеозом*», что он указал человечеству возможности таких достижений, о которых ранее никто не помышлял, а именно, поставил «задачу трудового воскрешения мертвых, хозяйственного воспроизведения и возвращения жизни». Фактически, отмечал он, Федоров превратил хозяйство в теургию, или, вернее, то и другое слил воедино, поскольку воскрешение мертвых для него перестало быть теургическим, а всецело стало хозяйственно-магическим [11, с. 310].

Таким образом, Федоров, как и мыслители, разделявшие его воззрения, в числе которых, в частности, были Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, считал важным вывести хозяйственный процесс за рамки исключительно производственной деятельности и превратить его в духовное творчество по восстановлению жизни [3, с. 275]. При этом мыслилось не простое, физическое воскресение умерших в их прежнем состоянии, в каком они, как писал В. С. Соловьев, разделяя федоровские идеи, «стремятся пожирать друг друга», а восстановление их *в должном виде*, а именно, в таком, в котором все они не исключают, а сохраняют и восполняют друг друга [3, с.296]. Именно в этом Федорову виделось должное направление хозяйственной деятельности и ее высшая цель.

Впоследствии воззрения В. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова получили дальнейшую разработку в ходе философского-религиозного ренессанса начала XX в. Наиболее последовательное осмысление хозяйственной деятельности с предложенных позиций было предпринято С. Н. Булгаковым, осуществившим в начале XX в. идейный переход от марксизма к идеализму и признавшим в качестве мировоззренческого ориентира воззрения В. С. Соловьева. На этой идейной основе Булгаков развернул осмысление феномена политэкономического знания как знания духовного, а также заложил основы оригинального экономического учения, базирующегося на христианском понимании хозяйственной сферы жизнедеятельности.

Мыслитель был убежден, что «политической экономии принадлежит привилегированное положение в ряду интеллектуальных интересов современного культурного человечества». Он подчеркивал, что на рубеже XIX–XX в. человек может не иметь никакого понятия о химии, не знать физики, быть невеждой в астрономии без существенного ущерба для своей нравственности. Однако незнание основ политической экономии лишает его возможности понимания важнейших явлений современности и делает глухим к требованиям социальной морали, чем в итоге существенно искажает нравственную природу личность в целом [4, с. 275].

Булгаков считал, что такая роль политической экономии определяется не столько теоретическим значением ее проблем, сколько характером вопросов, которыми она занимается. Он писал: «Существование политической экономии обуславливается... присутствием в нашем сознании представлений о социальной справедливости, или социального идеала, который находится в противоречии с действительностью, и протекающим отсюда стремлением воплотить идеал в действительности, приблизить ее к идеалу. Если бы не было этого разлада и противоречия между идеалом и действительностью, если бы в социальной жизни все было гладко и ничто не оскорбляло бы нашего нравственного сознания, политическая экономия была бы нам не нужна и, конечно, не существовала бы. Назначение ее в том и состоит, чтобы помогать борьбе с социальным злом, т.е. с тем именно, чем и вызывается существование политической экономии» [4, с. 279].

В связи с этим Булгаков доказывал, что политэкономия следует относить к общеобразовательным наукам, а именно, тем, «которые воспитывают в человеке человека как духовно-разумную и нравственную личность, а не сообщают ему только какие-либо социальные знания» [4, с. 276]. Он подчеркивал, что эта отрасль знания не автономна, а

гетерономна, т.к. основные задачи она получает извне, а именно, из той социальной жизни (или того целого), частью которой является хозяйство как предмет политэкономического исследования [7, с. 578].

В итоге, Булгаков считал необходимым рассматривать политэкономия не столько наукой, сколько техникой, а точнее – прикладной этикой или этикой экономической жизни, существенными вопросами которой являются «вопрос об успешности человеческого труда... т. е. о прогрессе экономическом, и вопрос о распределении производимых благ в обществе и о справедливом устройстве экономических отношений людей между собой, т. е. о прогрессе социальном» [4 с. 279]. Идейным основанием последнего мыслитель провозглашал представления о социальном *долженствовании* как проявлении морального сознания того или иного социального образования (группы, класса, слоя).

На основании этих наблюдений он обращал внимание на невозможность существования единой политэкономии, *поскольку* понимание *должного*, находясь в зависимости от общих мировоззренческих установок, не может быть одинаковым. Мыслитель писал, что при общности и бесспорности фактической и исторической части политэкономии, «в области *долженствования* и политики могут начертываться различные пути: путь “буржуазный” или социалистический, языческий или христианский» [5, с. 15]. На базе каждой из идейных платформ складывается своя система понимания хозяйственных отношений и осуществляется ряд общественно значимых действий: во-первых, дается самостоятельная оценка существующей социально-экономической действительности; во-вторых, раскрывается индивидуальное понимание идеала; в-третьих, вырабатываются практические рекомендации для проведения изменений существующего строя в направлении установленного идеала [4, с. 287].

Таким образом, в числе ключевых исследовательских задач наряду со специально-научными Булгаков называл и обще социальные, связанные с постижением сущности общественного идеала и определением путей его достижения. При этом он подчеркивал, что содержательную сторону выявляемого идеала должны составлять представления о «нормальном строе человеческих отношений», который он характеризовал следующим логическим равенством: «заповедь любви = социальной справедливости = признанию за каждой личностью равного и абсолютного достоинства = требованию наибольшей полноты прав и свободы личности», когда любые формы проявления экономического гнета, рассматривающиеся разновидностями оскорбления нравственного чувства личности, провозглашаются недопустимыми [8, с. 312]. Такая установка, писал мыслитель, представляет собой развитие учения о равенстве людей и абсолютной ценности человеческой личности. В своей основе, подчеркивал он, она, несомненно, содержит христианские идеалы, являющиеся не только высшей и единственной нормой *долженствования* для человека, но и законом человеческого бытия [8, с. 315].

Далее Булгаков пытался установить характер соответствия существующих социально-экономических теорий выявленному идеальному *долженствованию*. Сравнивая с ним наиболее распространенные социально-экономические доктрины, он характеризовал классическую политэкономия как максимально удаленную от установленной нормы теорию «буржуазных английских и неанглийских» апологетов экономического прогресса, отличающихся безучастным отношением к страданиям рабочих, в которых видели не людей, а орудия производства. В то же время наиболее приближенной к идеалу он считал позицию марксистов, стремящихся соотносить интересы экономического прогресса с требованиями социальной справедливости [8, с. 327]. Тем не менее и марксистскую позицию он считал не вполне соответствовавшей критериям социальной нормы. По его мнению, ее мировоззренческий изъян состоял в ограничении хозяйственной деятельности задачами материального роста. Однако, доказывал мыслитель, хозяйство, как и всякий социальный феномен, является не только «техническо-вещной или меркантильно-бухгалтерской», но и духовной сущностью, адекватное осмысление которой возможно лишь на базе религиозной мировоззренческой системы [11, с.315].

Результатом осмысления проблемы стал вывод Булгакова о необходимости создания христианской политической экономии, цель которой он видел в постановке и разрешении вопросов «экономической жизни при свете и в духе христианского учения» [5, с. 16]. Обосновывая свою точку зрения, мыслитель отмечал, что именно христианство принесло с собой новое отношение к хозяйственному труду, превратив его из «подневольной тяготы» в особое дело по исполнению религиозно-нравственных обязанностей. В итоге, подчеркивал он, христианство, сформировав новое отношение к хозяйственной деятельности, стало тем лоно, в котором сложились условия для ее научного осмысления, а поэтому вне этой мировоззренческой системы адекватный анализ экономической сферы общественных отношений практически невозможен [6, с. 348].

Учитывая этот факт и стремясь преодолеть религиозную индифферентность существующих экономических концепций, Булгаков создал оригинальную, мировоззренчески ориентированную на христианскую традицию, теорию хозяйства. В первой четверти XX в. ее разработка стала одним из основных направлений научного творчества мыслителя, что нашло отражение в ряде его работ и публичных выступлений.

В целостном виде эту теорию, получившую название «философия хозяйства», он представил в докторской диссертации с одноименным заглавием, защита которой состоялась в Московском университете 21 сентября 1912 г. На следующий день «Русские ведомости» сообщили, что докторский диспут сопровождался широкой полемикой и привлек «массу интересующихся», переполнивших обширную Богословскую аудиторию.

Впоследствии Булгаков продолжал разработку темы, указывая, что в «Философии хозяйства» состоялась лишь ее постановка и обозначение основных положений. Итоги ее дальнейшего осмысления он представил в философском трактате «Свет невечерний: умозрения и созерцания», в котором, по его словам, была предпринята попытка установить, как «в свете религиозного опыта... зрится и оценивается “мир сей” с его тревогами и вопрошаниями», в частности, и в сфере, касающейся хозяйственной системы отношений как сущности эсхатологической [11, с. 3].

Предлагаемую теорию автор исследования рассматривал как один из возможных подходов при описании полноты бытия, основу которого он видел в учете такой важнейшей характеристики земного мира, какой является противостояние в нем жизни и смерти, сферы живого и сферы мертвого или механического. При этом «позитивным» началом мыслитель провозглашал жизнь, а смерть рассматривал необъяснимым и противоестественным отрицанием жизни, обладающим лишь призрачным бытием и нуждающимся в опоре на реальное бытие. Он писал: «Метафизически смерть живого не только не естественна, но и противоестественна, противоречива, а потому и логически немыслима: мы не можем продумать этого понятия в силу закона противоречия, и однако эмпирически она стала законом естества, наиболее общим и глубоким. В этом противоречии загадка для мысли» [12, с. 82].

Далее он подчеркивал, что несмотря на свою «незаконность», смерть и связанная со смертью сфера «мертвого» бытия являются непреложными и абсолютно фундаментальными элементами реальности, и в связи с этим сама жизнь, которая по своей метафизической сути должна быть вневременной и абсолютной, предстает в мире только как смертная жизнь, как переплетенная со смертью и подверженная временному течению, как неабсолютная. Именно это необъяснимое и иррациональное внутреннее противоречие самой жизни, противоречие между ее подлинной сущностью, выступающей как должное, как идеал, и ее фактическим, несовершенным состоянием, объясняет все наиболее принципиальные особенности конкретного земного бытия. Мыслитель отмечал: «Можно сказать, что весь мировой исторический процесс вытекает из противоречия между механизмом, или вещностью, и организмом, или жизнью, и из стремления природы преодолеть в себе механизм как начало необходимости, с тем чтобы преобразоваться в организм как начало космической свободы, торжество жизни» [12, с. 83].

Стремление к сохранению уже наличной жизни и к расширению «пространства», отвоеванного у сферы «мертвого» бытия, – это главный и единственный смысл всего мирового и исторического процесса, начиная от борьбы простейших организмов за самосохранение и кончая борьбой человека за воплощение в истории идеала общественного устройства. Вся эта борьба несовершенной жизни со смертью и определялась Булгаковым как хозяйство в широком смысле слова [12, с. 85]. Путем логического ограничения он очертил пределы человеческого хозяйства, которое «есть борьба... со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм». Содержание хозяйственного процесса он видел в стремлении «превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью, поэтому в пределе цель эту можно определить как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью, как очеловечение природы» [12, с. 82].

Одна из ключевых идей Булгакова состояла в том, что за материальной видимостью хозяйства, представленной множеством разрозненных экономических актов (от элементарного физического труда до высших форм научно-художественного творчества), совершаемых отдельными людьми на протяжении исторического времени, скрывается единая и связанная деятельность, существующая как бы поверх отдельных ее проявлений [12, с. 136]. В этом целостном процессе хозяйствования мыслитель видел необходимый фактор мироздания, включенный в жизнь вселенной как момент ее роста. Так, по его мнению, природа реализует способность к труду над собой в целях вхождения в новые силы [12, с. 82]. Он писал: «Хозяйственный труд есть уже как бы новая сила природы, новый мирообразующий, космогонический фактор, принципиально отличный притом от всех остальных сил природы. Эпоха хозяйства есть столь же характерная и определенная эпоха в истории земли, а через нее и в истории космоса, что можно с этой точки зрения всю космогонию поделить на два периода: инстинктивный, до-сознательный или до-хозяйственный, – до появления человека, и сознательный, хозяйственный, – после его появления» [12, с. 134].

В итоге Булгаков провозглашал хозяйство основной формой присутствия человека в мире природы, обусловленную, с одной стороны, необходимостью борьбы с естественными стихийными силами в целях защиты и расширения жизненного пространства, а с другой – потребностью реализации стремления Единой Мировой Души – *natura naturans* (мира горнего) – овладеть природой – *natura naturata* (миром дольного) – или достичь того, чтобы «*natura naturata* совершенно опознавала себя в *natura naturans*» [12, с. 147]. В последней обусловленности он видел предельную, уже за границами истории лежащую, цель хозяйственной деятельности, реализуемую историческим человечеством, которое, будучи совокупным субъектом хозяйства, одновременно принадлежит *natura naturata* и *natura naturans*, природе и Софии. Если первая принадлежность проявляется в эмпирическом естестве, то вторая – в духовных отблесках так называемого «светлого огня жизни, зажженного не в этом мире» и связанного со стремлением воплотить в реальности образ идеального всеединства [12, с. 145].

Учитывая этот факт, Булгаков считал, что человеку *должно* быть «посредником между *natura naturans* как организмом живых идей-сил и *natura naturata*» как омертвевшей, бессознательной природой. Он подчеркивал, что человечество, а в нем и каждая личность, будучи онтологически причастно Софии, должно стремиться и в хозяйственной практике передать миру божественные силы, в целях его просветления и возвышения из хаоса к космосу [12, с. 158]. В связи с этим он утверждал, что окончательная цель хозяйства лежит за его пределами, представляя собой лишь путь мира через трудовое делание к «Софии осуществленной» или истинному состоянию всего сущего [12, с. 170].

При этом, Булгаков обращал внимание на то, что как цель хозяйства сверххозяйственна, так и происхождение его лежит за пределами эмпирии. Он полагал, что иерархически и космологически хозяйственной деятельности как наказанию Божьему за грехопадение («В поте лица твоего будешь есть хлеб твой, доколе не возвратишься в землю, из которой взят») предшествует иной труд, а именно, свободный, бескорыстный, любовный, сливающийся с художественным творчеством. Он писал, что человек «до своего грехопадения, будучи естественным владыкой мира в качестве проводника софийности, живого орудия Божественной Софии, вводится Богом в “сад Эдемский” (в который должна была бы превратиться при его посредстве вся вселенная) и ему поручается “возделывать его и хранить его”» [12, с. 171]. Таким образом, резюмировал Булгаков, начало хозяйственного действия относится «к “райскому” состоянию, т.е. к самой метафизической сущности неповрежденных отношений человека к миру», когда человек еще не был подвластен страху смерти, ибо ему было доступно древо жизни и он не ведал угрозы голода, а хозяйствовал лишь во имя любви к Богу. В этом смысле, писал мыслитель, можно говорить «о “райском хозяйстве” как о бескорыстном любовном труде человека над природой для ее познания и усовершенствования, раскрытия ее софийности» [12, с. 171]. Именно творческое отношение к хозяйственной деятельности, делающее ее сродни художественному творчеству, он считал *должной* моделью экономического поведения.

В ходе анализа феноменологии хозяйства Булгаков сравнивал характер понимания сущности хозяйственной деятельности, сложившееся, с одной стороны, на базе философии хозяйства, а с другой – классической или, согласно его определению, языческой политэкономии. В итоге он писал: «Тогда как для языческой политической экономии... рост богатства признается сам себе целью и оценивается с точки зрения возможности тех наслаждений, которые можно при помощи его извлекать... для христианства рост богатства представляет благо только как средство освобождения человеческого духа», а поэтому с христианской точки зрения не всякий экономический прогресс оценивается как желательный и добрый [10, с. 68]. Особо резкой критике, считал он, подлежит тот материальный прогресс, который достигается «насильственными средствами, путем замучиванья людей, разбойничества и грабежа» [5, с. 19]. Мыслитель подчеркивал, что христианская политическая экономия благословляет лишь народный труд, но не народный разбой, что для нее «хозяйственная деятельность человека ни в коем случае не имеет самостоятельного, самодовлеющего значения», а является лишь одной из тех сфер отношений, которые регулируются высшими, сверхэкономическими мотивами [5, с. 19].

На этом основании, писал Булгаков, критерием успеха в области экономической деятельности философия хозяйства признает только «здоровый хозяйственный прогресс на основе развития полезных отраслей народного труда» [5, с. 18]. Он утверждал, что для христианской политической экономии, как и для христианства в целом, возможно только резко отрицательное отношение к эксплуатации человека человеком и к накоплению неправедных богатств. Поэтому, отмечал он, это научное направление должно быть призвано сыграть «роль Беатриче, проводящей современного Вергилия через ад и чистилище», в соответствии с которой в качестве естественной и неустранимой задачи оно обязано поставить выработку программы социальных преобразований в духе свободы, правды и любви как в хозяйственной жизни, так и в области социальной и экономической политики [5, с. 21].

В этом контексте Булгаков писал, что в человеке необходимо воспитывать «не сознание интересов, но сознание общественных обязанностей», предполагающих не только удовлетворение своекорыстных интересов, но и совершение этически ориентированных действий, связанных с реализацией нравственных обязанностей в сфере профессионального труда в целях осуществления своего главного предназначения – внесения одухотворяющего начала в природную стихию [12, с. 155]. Впоследствии он подчеркивал, что «если христианство во внемирном своем устремлении сверхкультурно, сверхисторично и сверххозяйственно, то в своем историческом лике оно дает идеал

аскетической культуры и, в частности, аскетического хозяйства», в ходе ведения которого человек, ориентируясь на религиозно-этические нормативы, осуществляет постоянный выбор между добром и злом [9, с. 50]. По мнению мыслителя, христианство является вероучением, содержащим истинные критерии и методы оценки хозяйственной деятельности. Несмотря на понимание жизни как проявление духовной сущности человека, оно не налагает оков на ход экономического роста.

Неоднократно к вопросам, поднятым в работе Булгакова, обращался и Н. А. Бердяев. В одной из рецензий он писал: «Кн. Е. Трубецкой более прав, чем С. Н. Булгаков, когда он отвергает всякое хозяйство с христианской точки зрения и не считает труд божественным» [1, с. 52]. Булгаков, считал он, перенес на небо свое хозяйство, признав его софийным и связав его с душой мира. Тем самым, по мнению рецензента, мыслитель осуществил «охозяйствование Софии – Премудрой Девы, не рождающей и не устрояющей» и божественная жизнь в его теории запахла трудовым хозяйственным потом [1, с. 52]. Но в то же время он признавал правоту Булгакова в том, что в вопросе о хозяйстве ему удалось увидеть мучительную религиозную проблему и своими поисками софийности хозяйства сказать о невозможности остаться на почве нейтральности и попытался представить целостный анализ рассматриваемого феномена. В итоге, писал рецензент, Булгакову, как в свое время и Н. Ф. Федорову, удалось достичь расширения и углубления хозяйственной проблематики и выйти на осознание космического характера хозяйственной деятельности [2].

Отмечая этот факт, он подчеркивал, что идея создания космического хозяйства является одной из наиболее важных, т.к. позволяет перейти к глубинному пониманию сущности хозяйственной деятельности. Разделяя мнение Булгакова и Федорова, он отмечал, что «цели и смысл хозяйственной жизни лежат глубже и дальше, чем это представляется обычному хозяйственному сознанию», которое, будучи, как правило, связанным с освоением лишь поверхности природы, ориентирует человека на создание разного рода материальных ценностей, которые на поверку, как, например, многие технические изобретения, часто оказываются чистыми фикциями. Однако, подчеркивал мыслитель, истинное хозяйство *должно* быть связано со стремлением победить тяжесть материального мира и овладеть хаотическими природными стихиями, чтобы, выйдя за их пределы, стать космическим [2].

Раскрывая сущность этого явления, Бердяев писал: «Космическое хозяйство не есть утопия райского блаженства, перенесенная с нашей земной планеты на небесные пространства» [2]. В нем он видел отражение глубинной связи человека с жизнью космоса. Мыслитель доказывал, что только осознание этого факта может позволить человечеству отказаться от сугубо меркантильной мотивации в хозяйственной деятельности и выработать должную модель ее реализации. В то же время он полагал, что «в пределах ограниченной земной общности», где господствуют разрушительные силы смерти, признаваемые за норму теоретически доминирующим экономизмом, эта задача практически неразрешима [2].

Бердяев подчеркивал, что экономизм, делая производительность самодовлеющей целью и ценностью, лишает хозяйствование какой-либо священной санкции и предает забвению то, что эффективность труда напрямую зависит от духовного фактора, присущего осуществляющему его человеку. Он писал: «Хозяйство не есть явление мертвой, материальной природы, оно насквозь пропитано духовными энергиями человека и предполагает общение между человеком и природой, их взаимопроникновение», оно как организация и регуляция природных сил есть акт претворения человеческого духа, от качеств которого зависит характер всего хозяйственного процесса [2]. При этом он отмечал, чтобы быть по-настоящему истинным хозяйством следует стать не подневольной ветхозаветной трудовой тяготой, а сферой развертывания свободной духовно-творческой активности человека, какой по изначальному божественному замыслу ему и надлежало быть.

Таким образом, Бердяев, признавая научную значимость исследования Булгакова, подчеркивал необходимость дальнейшей разработки проблемы перевода земного хозяйства в хозяйство космическое как конечной цели хозяйственной деятельности, заключающейся в изгнании смерти и преобразении сферы «мертвого» бытия в бытие «живое». Такая постановка вопроса была общей для большинства русских религиозных мыслителей. Несмотря на определенные расхождения во мнениях по поводу путей реализации этого проекта, они признавали, что главным и решающим фактором, обеспечивающим движение мирового бытия к совершенному состоянию, является целенаправленная деятельность исторического человечества, которая должна разворачиваться в рамках, определяемых совестью как отражением Высшего закона.

Анализ теоретического наследия представителей русского философско-религиозного ренессанса свидетельствует, что на рубеже XIX–XX в. в отечественной общественной мысли состоялось оформление самобытного понимания хозяйственной сферы отношений, имеющего прочную укорененность в национальной мыслительной традиции. По мнению религиозных философов, должным положением в хозяйственной сфере отношений может считаться лишь такое, которое, согласуясь с фундаментальными нравственными императивами, своей целью имеет не подавление человека, а его духовное развитие. Они подчеркивали, что человек, всецело поглощенный материальной заботой, если не знает вполне одичания, то, во всяком случае, уже не может заниматься деятельным осуществлением своего высшего человеческого назначения, т.к. с нравственной точки зрения требуется, чтобы всякий человек имел не только обеспеченные средства к существованию (т.е. пищу, одежду и жилище с теплом и воздухом и достаточный физический отдых), но и располагал возможностью осуществлять свое духовное восхождение.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. О земном и небесном утопизме (рецензия на книгу: Трубецкой Е. «Миросозерцание Вл. Соловьева») // Русская мысль. – 1913. – № 9. – С. 46-54.
2. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письмо двенадцатое. Письмо двенадцатое. О хозяйстве [электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/neraven/12.html> (дата обращения 11.10.2021).
3. Булгаков, С. Н. Загадочный мыслитель (Н. Ф. Федоров) // Сочинения: в 2 т. – М.: Наука, 1993. – Т. 2. – С. 286-301.
4. Булгаков, С. Н. Задачи политической экономии // Труды по социологии и теологии: в 2 т. М.: Наука, 1999. Т. 1. От марксизма к идеализму. – С. 275-289.
5. Булгаков, С. Н. Краткий очерк политической экономии. – М., 1906. – Вып. I. Основные черты современного хозяйственного строя. – М.: Религиозно-общественная библиотека, 1906. – 152 с.
6. Булгаков, С. Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Сочинения: в 2 т. – М.: Наука, 1993. Т. 2. – С. 3430-367.
7. Булгаков, С. Н. О закономерности социальных явлений // Вопросы философии и психологии. – 1896. – №5 (35) – С. 574-611.
8. Булгаков, С. Н. О социальном идеале // Вопросы философии и психологии. – 1903. – № 3 (68). – С. 64-101.
9. Булгаков, С. Н. Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве. Понимание в христианстве вопроса о собственности // История экономической мысли / под ред. Ф.Я. Железнова и А. А. Мануйлова. - М.: Московский научный институт, 1916. – С. 1-52.
10. Булгаков, С. Н. Основные проблемы теории прогресса // Сочинения: в 2-х т. Т.2. – М.: Изд-во «Наука», 1993. – С. 46-94
11. Булгаков, С. Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.

12. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства // Сочинения: в 2 т. - М.: Наука, 1993. – Т. 1. – С. 49-297.
13. Вопросы экономической жизни в обсуждении «Собрания экономистов». Отчет за 20 лет. 19 февраля 1891 г. – 19 февраля 1911 г.: в 2 т./ сост. Д. Н. Бородин. СПб., 1911. – Т. 1. – 490 с.
14. Исупов, К., Савкин, И. Русская философия собственности (XVII-XX вв.). СПб.: Ганза, 1993. – 511 с.
15. Соловьев, В. С. «Неподвижно лишь солнце любви...» Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. - М.: Московский рабочий, 1990. – 445 с.
16. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч.: в 2 т. Изд. 2. М., 1990. Т. 1. – С. 47-548.
17. Соловьев, В. С. Экономический вопрос с нравственной точки зрения // Вестник Европы. – 1896. – № 12. – С.536-569.
18. Федоров, Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим // Философия общего дела: в 2 т. / под ред. В. А. Кожевникова, Ч. П. Петерсона. Верный, 1906. – Т. 1. – 489 с.
19. Федоров, Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим // Философия общего дела: в 2 т. / под ред. В. А. Кожевникова, Ч. П. Петерсона. - М., 1913. – Т. 2. – 295 с.